

Непутевая Катя

Весь мир бы белым и синим. Синим было море и небо. Синими были цветы в палисаднике у бабушки, и бабушка была синяя. Синими были крыша и круговой балкон Маяка. А сам Маяк был белым. Таким же белым, как песок, редкие облака, камни на берегу.

Девочка тоже была бело-синяя. Она носила белый сарафан ниже колен с синим, похожим на матросский, воротником и белую шляпу с лентой. Таких сарафанов у девочки было три, так бабушка купила. Когда сарафаны грязнились, бабушка их меняла, но девочка не замечала перемены и ей казалось, что она ходит в одном и том же, в одном и том же...

И имя у девочки было белым и синим – Соня Ким. Соня – слово круглое, синее, Ким – слово короткое, плотное, точно гладкий камешек с берега. Сонин прадед был корейцем, последним сто процентным корейцем в этой семье. Сам он женился на украинке и с тех пор все его дети и внуки разбавляли и разбавляли древнюю корейскую кровь разной-разной другой. Соне от корейского прадеда досталась только фамилия: волосы у нее были будто размочаленный канат – белые, мягкие; кожа – без смуглости; глаза – темно-серые и даже без намека на азиатский разрез. Фамилию да прадедову сдержанность получила в наследство бело-синяя Соня Ким.

В этом бело-синим мире было только одно яркое пятно – мама. Ярко-оранжевая мама носила одежду красного, желтого, морковного цвета, от нее в любое время пахло апельсинами.

Мама была чем-то мифическим, вроде солнечного шторма. Дедушка и дядя Миша рассказывали, что бывает такой. В погожий ясный день всё небо в миг темнеет, наливается чернильными, лохматыми тучами и обрушивает на море потоки воды. Ветер хлещет такой, что камешки поднимает с земли, и они бьются в окна. Страшно и весело – настоящий шторм.

Но вдруг какой-то особенный порыв ветра дырявит небо и сквозь окошко в плотных тучах выливается на штормующее море солнечное золото. Там за тучами чистое небо и яркое солнце. И пока тучи не затянулись снова, шторм был солнечный.

Когда мама приезжала, на все ложились рыжие отсветы: на синюю лодку, на белый песок, на море и облака, на беленые стены дома, на синюю бабушку, на белого деда.

Дед радовался, бабушка нет. Бабушка так сильно любила Соню, что не могла больше любить никого, даже горячо любимую когда-то единственную дочь Катю, Сонину маму.

Мама любила всех, сердце у нее было большое, просторное, туда вмещался дед, бабушка, Соня, потерянный и забытый Сонин папа, мамин театр, ее соседи, книги, гастроли, планы и много-много всего могла вспомнить Соня, что носила мама в своем сердце, и все равно Соне казалось, что там еще много места.

Соня носила мамину фамилию. А Сонин папа – настоящий швед, его зовут Ниссе Свантесон, но Соня видела его только на фотографиях. Папа жил в Швеции, где у него были другие, отдельные от мамы, дети и много работы. Поэтому он никогда не приезжал к Соне. У мамы тоже было много работы, но она приезжала часто.

Мама уехала на очередные гастроли, а Соню отвезла к бабушке. Уезжая мама сказала:

- Я люблю тебя больше всех на свете.

На том и расстались.

Первое время Соня целыми днями собирала на берегу камешки и ракушки, набивала ими карманы. От них в карманах оседали песчинки, накапливались и плохо вымывались. Стирая белые сарафаны, бабушка Анна вздыхала и качала головой. Не по поводу песка, а по поводу дочери Кати.

Милая, милая Катя! Синеглазая с отцовской азиатчиной в глазах и скулах, талантливая, умная, вечная отличница, восприимчивая, чуткая, радостная, такая доверчивая все детство, всегда всем поделится, все расскажет...

И вот выросла, травую проросла сквозь мать, сквозь ее жизнь, и ушла, ушла, ушла. На все смеется теперь или отмахивается, ничем не поделится, не посоветуется. Легка, смела, весела, и видно, что стареет, медленно, медленнее, чем она, Анна, но все-таки. Привезла соню, уехала, бросила можно сказать. Соня хорошая, послушная. Соня родная, роднее всех, лучше всех, чище. Но Соня тоже вырастет, и Анна боится, мучается и боится, что вырастет, уйдет и Соня, и чем только можно пытаться остановить, задержать, удержать Сонино время.

А Соня все ходила по берегу, смотрела на синее и белое, дышала морским воздухом, оздоравливалась, играла с кошкой, вечером сидела с бабушкой, читала ей, уже хорошо, не по слогам, сказку про Огниво и Кота в сапогах или писала в тонкую тетрадь букву за буквой: ААААА, БББББ...

Потом подсаживалась к дедушке, сонно смотрела телевизор, переводя иногда взгляд на темное окно, где медленно и ровно дышало море, оглушительно звенели цикады и стучали о каменную дорожку неспелые, но почему-то все равно падающие грецкие орехи.

Спала Соня крепко, вставала рано, ела с аппетитом, почти не капризничала, хотя начали уже баловать, и она это чувствовала; Соня хотела в школу, ждала маму и думала про далекую Швецию.

На Маяке работали посменно Антон Андреевич и дядя Миша. Антон Андреевич жил в городе и приезжал на смены, а дядя Миша жил здесь же, в хлипком домике около Маяка, и к нему летом приехал сын с женой и двумя детьми. Они в хлипком домике жить не стали, поставили в огороде большую палатку, рядом соорудили под навесом стол, и получилась у них почти дикая жизнь.

Эта палатка, навес, столик, этот высокий дядимишин сын Сергей и его жена Настя, костлявы Никита и вызывающе грациозная Даша – все это называлось Роговы.

Бабушке Роговы нравились, особенно тетя Настя. Соня не знала, что тетя Настя радуется бабушкиному сердцу тем, что дает ей понять: не только ее Катя ушла, выросла, проросла. У всех так. Но за Соню бабушка беспокоилась: как бы Роговы-дети не обидели молчаливую Соню, очень уж были непосредственны.

Встретились вчера на берегу, познакомились. Соня сама начала разговор, все расспрашивала про палатку и про родителей, а когда Никита спросил про ее маму-папу, вдруг начала врать.

Врала Соня, первый раз в жизни. Врала и так вдохновенно. У отца-капитана была куртка белая, аж глаза слепит, фуражка, а на ней золотые якоря. А корабль – огромный! До неба! И белый конечно. Мама? О, мама... Мама, как солнечный шторм, вся в огне и в золоте, сама – огонь и золото, и скоро приедет за Соней.

Наврала с три короба, испугалась и чуть не бросилась бежать.

Конечно, все откроется. Никита и Даша обязательно узнают, что она не на лето приехала, а что живет здесь уже длинных три года, и что мама приезжает не каждое воскресенье и без театра, а одна. И что папа никакой не капитан, и нет его, совсем нет папы, есть только далекая страна Швеция.

Соня плохо спала и все думала, что не выйдет теперь никакой дружбы с Роговыми.

Соня тихо плакала, щеки жгло, и она знала, но не головой, а где-то внутри, там, где слов не бывает, знала Соня, что все не так просто. Что работа работой и театр театром, но есть еще бабушка, которая становится совсем другой, когда приезжает мама. Соня чувствует, что бабушка чем-то обижена на маму (да, полно, возможно ли?), что мама в чем-то виновата, и ведет себя так, будто виновата и перед бабушкой и перед Соней. Соня не

понимает, но так любит ее, что готова поверить: да, виновата, пусть, только приезжай и возьми меня с собой!

Не от бабушки, я очень ее люблю, и море люблю и деда, и я правду говорю, когда ты спрашиваешь: «Хорошо тебе здесь?» «Да,» - говорю я, и мне правда ведь хорошо. Но ты забери меня, не отсюда, а к себе.

Я же послушная, я самая послушная в мире, бабушка говорит, что таких послушных детей никогда не видела, я не буду тебе мешать. Забери меня, и я никогда больше не буду врать. Забери меня. Если бабушка разрешит.

Ни Даша, ни Никита Роговы ничего не узнали про Сонину ложь. Не приехал театр и Сониная мама, ну и что? Они и не заметили. Они ходили в горы, ездили в дельфинарий, в заповедник, в музеи и кино. Соня провожала их с берега тайком. Потом брала сломанную дедушкину удочку без лески, садилась на выбеленную солью и солнцем корягу у самой воды и ловила рыбу. Соня часто так играла. Это была хорошая игра, особенно, когда грустно. Так ее застала, приехавшая среди недели мама.

- Соня, а тебе не жалко рыбу ловить? – спросила мама после объятий и поцелуев.

- Мама, я же не по-настоящему ловлю, - серьезно сказала Соня, - я так играю.

И Соня заметила, как мама вздрогнула, но не всем телом, а будто только лицом.

Дед шумно обрадовался, бабушка хмуро, быстро поцеловала Катю: с приездом.

Обедали: рис, рыба, салат. Пили чай: Катя привезла огромный торт. Потом пошли гулять. Бабушка никогда не ходила гулять, только когда приезжала Катя. И Соня совсем недавно заметила, что бабушка будто боится: оставить их одних, вдвоём: Катю и Соню, дочку и внучку.

Гуляли мало, бабушке тяжело по песку. Бабушка рассказывала, как ходили в Храм, который восстановили в Посёлке. Катя про свой театр, как ездили на фестиваль и выступали в детских домах; Соня про Никиту, про Дашу, про их палатку и про то, как играли в саду. Слова лились и лились из Сони, как Солнце из дыры в штормовых тучах.

- Ух, разговорилась! – одобрял дед.

Потом бабушка усадила Соню за книжку – готовится к школе. Катя сказала деловито:

- Соне надо в хорошую школу.

- И в этой выучится, в нашей. Все там учились. И ты тоже. Что плохая выросла?

Бабушку позвала с улицы тетя Настя, и пока она ходила, Соня быстро прижалась к маме и спросила:

- Мама, я всегда-всегда буду жить без тебя?

Мама опять вздрогнула лицом, потом полился из глаз теплый оранжевый свет.

- Сонечка... что ты... Тебе плохо здесь?

- Нет, мне хорошо, - спокойно сказала Соня и замолчала.

- Я заберу тебя. Завтра же. Правда.

Пришла бабушка, отправила Соню гулять. Соня села на низкую скамейку в саду, смотрела на синие бабушкины цветы и понимала, что всё неправда. Не может быть, чтобы прямо завтра. Что вот уже через ночь мама заберёт ее с собой, в город, где всё – её, мамино.

Дядимишин сын Сергей и Катя дружили с детства. У них была такая трогательная и нежная любовь, что до сих пор, встречаясь и у того и другого что-то постанывало внутри и щёлкало, хотя давно уже каждый жил своей отдельной жизнью и не жалел об этом. Они были благодарны друг

другу за то, прошлое, счастливое чувство и встречаясь теперь случайно, оба чувствовали какую-то приподнятость, восторженность.

Катя чувствовала себя вдвойне женщиной, Сергей – вдвойне мужчиной. И за это они тоже были благодарны друг другу.

Особенным был этот Катин приезд домой, и она отдельно обрадовалась, узнав, что Сергей с семьей здесь. Настю Катя знала едва-едва, детей их искренне любила, но все это было неважно и бледно нарисовано. Просто Сергей здесь. Сергей и всё. Остальные – неважны и просто рядом, как шляпа на его голове или удочка в руках.

Встретились на берегу. Медленно и молча сошлись. Пока сближались, улыбочиво, радостно, в каждого вливалась и крепла своя сила: в Кате – женская, в Сергее – мужская.

- Давно не виделись.

- Как ты?

- Надолго?

Не говорили ни о детях, ни о делах, ни о спутниках жизни. Даже о прошлом – не говорили. Бродили по песку, морем любовались, Катя рассказывала, как всю дорогу пожилой попутчик-дагестанец грозился её украсть. Сергей делился какой роскошный виноградник он заложил у отца в огороде.

Через символический заборчик, увитый виноградом обиженные горькие глаза следят за Катей и Сергеем. Следят, как Катя, смеясь запрокидывает голову и каштановые волосы струятся по спине, а тонкие пальцы взъерошивают и лохматят Серезину прическу. Следят, как сам Сереза что-то рассказывает горячо, сияя глазами и белозубым ртом, светясь, как давно уже не светился.

Насте больно на это смотреть. Она не может – сердце на части. Она, глядя на Сергея и Катю, забывает то простое, что она всегда знает про себя: она, темноглазая и стройная, она очень красивая, и для своего Серези

она до сих пор самая красивая и желанная. Всё забывает Настя, глядя сквозь виноградные лозы на обычную, ничем не примечательную Катю. И хочется бежать куда-нибудь, бежать и кричать, царапаться, драться, исходить плачем и визгом...

Сонин дед сердито сопит. Он вяжет сеть на крыльце дома. Он видит и дочь с Сергеем и изнывающую от ревности Настю. Дед знает, что Катя с Сергеем просто болтают, ничего за этим разговором нет. Но он видит и Настю и сердитую Анну, а самое главное – маленькую жалкую фигурку у калитки. В белом вечном сарафане с распутившейся косичкой Соня стоит и издали смотрит на маму и дядю Сережу. Она не ревнует, но ей как и Насте хочется бежать, кричать, визжать и царапаться.

- Непутевая, - ворчит дед, не глядя в сторону дочери – какая же она непутевая...

Пока Катя с Сергеем гуляли, будто в ответ на бессильную ярость Насти и непонятное отчаянье Сони, потемнело небо. Тучи, весь день копившиеся у горизонта, придвинулись вплотную к Посёлку, и ветер, еще утром тихий и теплый, внезапно рассвирепел. Море заворочало волны, как усталый человек, вынужденный отвечать на ненужные вопросы, ворочает языком. Обрушивался на берег прибой и уползая оставлял в песке воронки с шипящей пузырьчатой пеной. Начался шторм.

Соня увидела, как из палатки бегут к отцу Даша и Никита, как медленно бредёт за ними Настя. Соня оглянулась на бабушку, и пока та не видит, тоже сорвалась с места и полетела окрылённая – к маме.

Дождь хлестал и бурлил, но никто не уходил с берега. Дядя Сергей дурачился, кружился то с тетей Настей, то с мамой, подбрасывал на руках девочек и вали в песок Никиту. И все бегали за ним, хохотали, визжали, но поймать не могли, он как дождь выскальзывал из рук. Наконец, Никита повис у него на спине, тут же навалились на него и Даша, и Соня, и тётя

Настя, и хохоча они все свалились в песок. И тут же мама закричала чужим голосом:

- Смотрите!

Ветер на минуту разорвал густые тучи, сквозь дырку в небе хлынуло солнце медовым потоком; жидким золотом растеклось оно по морю, осветив на короткий миг всё вокруг, и снова исчезло за тучами, и снова был сердитый яростный шторм. Но кого теперь обманешь? Всем ясно теперь, что кроется за этими злыми тучами.

Бабушка рассердилась. Она долго выговаривала Кате за то, что позволила Соне бегать под холодным дождём и наконец бросила деду как мокрую тряпку в раковину:

- А ты куда смотрел?

А куда он смотрел? Он смотрел на них и радовался их радости и молодости, и солнечному шторму, и Катиному приезду, и Сониному внезапному своеволию.

- Ладно Катя, она же ничего про своего ребёнка не знает, но ты-то, ты...

Соню закутали в кусачее одеяло и дали чаю с мёдом. Катя сделала вид, что бабушкины слова не заметила, а Соня вся сжалась в горький комочек, потому что не могла понять, но чувствовала, что слова бабушки очень обидные.

Потом всё забылось. Соня сидела с мамой у окна, смотрела на прозрачные струйки-дорожки на стекле и думала: неужели она и вправду видела тот самый дедушкин солнечный шторм. Соня почувствовала, что мама думает о том же. Ей стало спокойно и радостно. И потянуло в сон.

Катя сидела рядом с отцом перед телевизором, смотрела на экран, думала о своём. Она думала, что жизнь её похожа на сильный шторм, когда всё смешивается в неразборчивую массу: земля и небо, ветер, потоки воды,

восторг и ужас. Всё звенит и грохочет, завораживает, возбуждает так, что кричать хочется, что кажется: вот-вот и лопнут нервы. И ветер такой сильный, могучий, дерзкий! Этим ветром в Катиной жизни был Ниссе Свантенссон, Сонин отец. Смешной такой, восторженный швед, приехал в Москву на театральный фестиваль, потом остался работать на целый год. Целый год муки и счастья. Любил и мучился, что предаёт ту шведскую жизнь. Предавал и мучился, что бросить ту жизнь всё равно не сможет.

Катя до него никого с такой силой и болью не любила. А он никого, даже Катю, не любил так сильно, как своих детей. Он уехал, когда Катя почти знала, что беременна. Ничего не сказала. Он звонил потом, но не приехал. Ни разу. Швеция так далеко! Катя смутно представляла, что это за страна такая... Она представлялась ей в благородных серо-синих тонах, а все жители её белобрысые и голубоглазые, как Ниссе и его дети. Ниссе был давно, Швеция далеко, и Соня – тоже далеко. Как бы не цеплялась Катя, шторм её жизни был слишком силён, баллов 10, и её дочура, её радость и свет, превращалась во что-то далёкое, существующее номинативно.

Со двора зашла Анна, прошла к Соне в комнату, наверное поцеловать на ночь. Анна круто замешивала этот шторм, в котором исчезала Соня. Анна не специально, но у неё получилось. Кате уже постелено на веранде, хотя Сонина кровать большая, можно вдвоём спать и так хочется: прижать её к себе, маленькую, тёплую, родную. Сказать что-нибудь, напомнить пор то время, когда они жили вместе, дать понять, что она – мама, мама, мама.

Кате хочется плакать. Ей дома всегда хочется плакать. Хотя всё хорошо. Родители рады, ласковые такие, хоть Анна и пытается это скрыть. Почему же хочется плакать и так тоскливо? И чтобы не заплакать, Катя завела разговор, из-за которого приехала.

Соне всё слышно сквозь тонкую стенку южного дома. Слышно, как стреляют и за кем-то гонятся в дедовом фильме, слышно, как бабушка

скрипнула дверью и коротко прогремела посудой на кухне. Соня знала, что сейчас бабушка придёт к ней.

- Сонечка, спи дружок, доброй ночи.

- Доброй ночи. – Соня послушно закрыла глаза.

Бабушка вздохнула, перекрестила её, поцеловала и вышла. Окно было синее, потолок белый, послушная бело-синяя Соня Ким открыла глаза и услышала, как мама за стенкой громко и весело сказала:

- Уважаемые родители, хочу сделать объявление! Я замуж выхожу. Его зовут Иван Ли, он русский кореец.

- Слава богу! – вздохнул дед и было непонятно Соне чему слава: потому что замуж или потому что кореец.

Катя сказала это и вдруг поняла: Иван Ли, Ванечка, как ласково называли его в театре, этот молчаливый, мудрый, немножко нелепый музыкант, это дырка в небе, через которую льётся на её штормовую жизнь солнце. И с ним всё другое, даже шторм – он золотой, солнечный, радостный. Родители попричитают, Анна вцепится в Соню, но Катя теперь, когда всё решено для неё самой, одним Ванечкиным именем разрубит все гордиевы узлы, всё разрешит! Ах, Ванечка, за одно это желание создать семью, вернуть Соню, рожать детей и растить их вместе – за одно это желание, которое ты пробудил во мне, я, непутёвая, буду вечно любить тебя, твоё скуластое, луноликое лицо, твою труднопереносимую молчаливость, твои маленькие руки, всех твоих друзей и родственников!

Катя замолчала, будто дыхание кончилось от счастья, что есть у неё Ванечка; сквозь охвативший её восторг она слышала смутно, как противоречит ей Анна, как доказывает, что Соню с моря увозить нельзя, она слабая, неизвестно ещё, что за человек этот её кореец, и, как он Соню воспримет... Хотя Катя про Соню ещё ни слова не сказала.

Соня не помнит дня, когда её привезли к бабушке, а мама уехала, но Катя, Катя этот день помнит всегда.

Было солнечно и очень ветрено. Соня была такая нарядная, в голубом платье с детской сумочкой через плечо с синими бантами в коротких косичках. Катя старалась: она знала, что Анне нравится, когда все одеты, как на праздник. В автобусе Соню укачало и теперь она жадно дышала ветром. Настроение было испорчено, даже глазки потускнели. Кате до слёз было жалко её. Тяжёлым камнем лежало на сердце то, чего Соня ещё не знает. Конечно, Катя и раньше её оставляла здесь, но всегда и она и родители знали, что это на два – три дня, на неделю, на месяц. А теперь... Теперь никто ничего не знает. У Кати столько работы. Репетиции затягиваются до ночи, вечные гастроли, а Соня так легко простывает, постоянно болеет, от любого сквозняка то ОРЗ, то ангина.

Анна предложила это сама. Не сказала на сколько.

- Привози её, Катерина, мы с отцом всё равно на пенсии. Здесь море, тепло, фрукты. Да и вообще...Чего ей по садикам за няньками? Будто родной бабушки нет.

- Может, лучше ты к нам?

Но Анна и слышать об этом не хотела. И Катя согласилась. Уже в автобусе, подъезжая к посёлку, Катя с обморочным ужасом подумала: «Как я могла согласиться?! Нет, нет, всё правильно, Сонечка болеет, а здесь воздух, здесь тепло, море. И денег на няню не хватает, а в садике болеет и болеет, просто всё время! Всё правильно, правильно...» Уговорила себя. Но ведь тот день был тоскливым и тревожным. Наверное, это передалось Соне, потому что она, так легко всегда расстававшаяся с матерью, вдруг зашлась недетским плачем, ручонками обхватила Катю за ноги, уткнулась в живот и плакала страшно надрывно. Катя никогда такого плача не слышала. Она растеряно гладила её по голове, обнимала, что-то шептала в маленькое розовое ушко, целовала.

«Не могу, - думала Катя. – Не могу уехать.» «Надо же, как она меня всё-таки любит», - мелькнула ещё мысль. Сдержанная Соня, которая все ласки, даже материнские, казалось еле терпит, вдруг взяла ладошками

мамино лицо и начала целовать, целовать... «Не могу, - сдаваясь решила Катя. – Заберу с собой. Справимся как-нибудь».

Но ласково и твёрдо взяла ревущую Соню Анна, а Кате сказала:

- Поезжай. Не переживай – успокоим.

Так и уехала Катя с разрывающимся дочериним криком в ушах. Так Катя впервые узнала в полной мере, что такое чувство вины и муки, совести.

И каждый раз теперь, когда приезжала и видела здоровенькую, чистенькую, радостную Соню, это чувство поднималось в ней огненным столпом, слепило, обжигало, требовало жертв в виде дорогих игрушек и конфет, которые Соня и не любила вовсе, а только делала вид, что любит. И каждая съеденная конфета и обласканная кукла приглушала тот недетский Сонин плач.

Но огненный столп был ненасытен. Чуть зазеваешься и опять – слепит, бьёт в щёки огнём, в уши – плачем.

И вот теперь этот огненный столп взорвался от Аннинных слов, а с ним взорвалась и Катя.